

Тайна Агаты Кристи

Автор:

Мари Бенедикт

Тайна Агаты Кристи

Мари Бенедикт

О днажды королева детектива, Агата Кристи, бесследно исчезла из собственного дома. Через 11 дней она вернулась, но ни полицейским, ни мужу не удалось выяснить, что произошло и где все это время находилась писательница. М. Бенедикт пишет роман-догадку о том, какая тайна на самом деле кроется за исчезновением Агаты Кристи.

Мари Бенедикт

Тайна Агаты Кристи

Marie Benedict

The Mystery of Mrs. Christie

© М. Бенедикт, текст, 2020

© Г. Григорьев, перевод, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Начало

Письмо подрагивает на столе почти в такт громкому стуку шагов. Из угла в угол, взад-вперед – и плотная писчая бумага колыхнется в том же ритме. Черные остроконечные буквы на кремовых листках пульсируют, будто живые, при каждом ударе тяжелого шага.

Каким бы ты хотел видеть конец этой истории? Мне представляется, у тебя есть выбор между двумя финалами, где в первом посадка будет куда мягче, чем во втором, хотя, разумеется, без синяков и ушибов не обойдется при любом из вариантов. Как ты, наверное, уже и сам понимаешь, некоторых увечий попросту не избежать. Или я переоценила твои способности и ты пока так и не догадался? Не важно. Хочешь ты того или нет, я все равно добьюсь цели, которую ты – вне всяких сомнений – сочтешь категорически неприемлемой. Я выбралась из пут твоих суждений и манипуляций – вот чего ты так славно добился своим двуличием, сам того не желая. А желал ты всегда одного – действовать во благо одному себе и удовлетворять собственные прихоти. Я никогда не занимала особого места в твоих мыслях – даже на первых порах, хотя то и дело слышала, что моя голова должна быть занята только тобой.

Сумрак, царящий в комнате, несмотря на предполуденный час, сгущается еще сильнее. Через пару мгновений порыв ветра распахивает закрытое окно, и страницы письма слетают со стола на ковер. Слова растворяются во тьме, но тут гремят раскаты грома (темень и ненастье – какая классическая и уместная для такой ситуации погода! – отмечает про себя адресат), и вспышки молнии вдруг озаряют помещение. Слова вновь проявляются на листах.

Читай дальше и четко следуй моим инструкциям, если хочешь, чтобы первый этап прошел гладко и завершился благополучно. Будет нелегко. Тебе придется проявить непреклонность при встрече с преградами, даже если тебя станут обуревать сомнения и стыд. Следуй моим указаниям на каждом перепутье – лишь тогда эта история может завершиться счастливо для всех нас.

Часть первая

Глава 1

Рукопись

12 октября 1912 г.

Агбрук-хаус, Девон, Англия

Мужчину идеальнее я не смогла бы сочинить.

– Потеряйте бальную книжку, – слышался чей-то шепот, когда я, пробираясь сквозь толпу, шла танцевать. Кто посмел говорить мне такие вещи? Особенно если учесть, что под руку меня вел Томас Клиффорд, дальний родственник хозяев Агбрук-хауса, лорда и леди Клиффорд Чадли, главный объект внимания всех незамужних дам на балу.

«Как дерзко! – подумала я про себя. – Если не сказать – грубо!» А вдруг услышал бы мой кавалер? Особенно окажись он «тем самым единственным», моей «судьбой» (то есть будущим мужем, в переводе с нашего девичьего языка) – он ведь тогда передумал бы за мной ухаживать! От этой мысли по телу пробежала дрожь. Кто отважился на подобную бесцеремонность? Я обернулась на источник шепота, но тут зазвучали струнные из Первой симфонии Элгара, и кавалер повел меня в танце.

Пока мы вальсировали, я пыталась найти глазами того мужчину в переполненном бальном зале. Мама отчитала бы меня как следует за то, что я не сосредоточила все внимание на юном мистере Клиффорде, но, по слухам, этот завидный жених с прекрасными связями искал себе невесту из богатых наследниц, так что я все равно не представляла для него сколько-нибудь реальный интерес. Ведь я – почти нищая, и все, что у меня будет, – это Эшфилд,

наследство, которое многие сочли бы скорее проклятьем, чем подарком судьбы, особенно зная, что у меня совсем нет средств на его содержание, а дом постоянно нуждается в ремонте. Мистер Клиффорд явно не относился к разряду упущенных шансов. Но я не сомневалась, что истинный шанс еще проявит себя. Разве не таков наш девичий удел? Мы увлекаемся мужчиной и попадаем в приливную волну своей судьбы.

В углах сверкающего позолотой зала стояли десятки мужчин в вечерних костюмах, но никто из них не был похож на человека, способного сделать мне столь вызывающее предложение. И тут я увидела его. Белокурый, с вьющимися волосами, у дальней стенки – он не отрываясь смотрел на меня. Я ни разу не заметила, чтобы он беседовал с кем-то из джентльменов или вел на танец даму. Он сдвинулся с места лишь однажды – подошел к оркестру и что-то сказал дирижеру, а затем вернулся в свой угол.

Прозвучали финальные аккорды, и мистер Клиффорд сопровождал меня назад, к моей милой подруге Нэн Уоттс, запыхавшейся от кружения по залу в паре с краснощеким знакомым ее родителей. Когда заиграла следующая мелодия, Нэн увлек на танец еще какой-то румяный юный джентльмен, а я заглянула в бальную книжку, висящую на красном шелковом шнурке у меня на руке, – посмотреть, с кем танцую на этот раз.

Чья-то ладонь опустилась на мое запястье. Я подняла взгляд и окунулась прямо в глубокие голубые глаза мужчины – того, что наблюдал за мной во время вальса. Я инстинктивно отдернула руку, но ему каким-то образом удалось снять с нее бальную книжку, а затем его пальцы переплелись с моими.

– Оставьте вы свою книжку хотя бы на один танец, – тихо, но твердо произнес он, и я узнала голос того самого наглеца, чей шепот слышала перед танцем. Я ушам своим не верила, и к тому же была шокирована тем, что он отобрал у меня книжку. Позволить кому-то вклиниться в очередь кавалеров – так не принято, даже если книжка пропала.

Мне слышались знакомые аккорды популярного мотива Ирвинга Берлина. Звучало точь-в-точь как «Рэгтайм-оркестр Александра», но я понимала, что наверняка ошибаюсь. Лорд и леди Клиффорд никогда не заказали бы оркестру такую современную мелодию. Более того, подобное отклонение от протокола, полагаю, привело бы их в ярость: общепринятыми в то время считались классические симфонические пьесы вкупе со спокойными, чинными танцами,

дабы не распалять молодые страсти.

Он наблюдал за выражением моего лица, пока я слушала музыку.

– Надеюсь, вам нравится Ирвинг Берлин? – спросил он с легкой самодовольной улыбкой.

– Так это вы устроили? – удивилась я.

Его улыбка стала смущенной, и на щеках появились ямочки.

– Я случайно услышал, как вы говорили подруге, что тоскуете без музыки посовременнее.

– Но как вам удалось?

Меня поразила не только дерзость, но и масштаб поступка. Это было, прямо скажем, лестно. Никто не посвящал мне столь грандиозных жестов. Уж точно никто из тех разношерстных ухажеров, с которыми мать пыталась свести меня два года назад во время моего первого выезда в свет в Каире – та поездка была вынужденной мерой в силу стесненных обстоятельств матушки, ведь первый выезд в Лондоне – это покупка массы модных нарядов, посещение и организация приемов, необходимость снять на сезон городской особняк. Таких жестов я не видела даже от милого Реджи, которого всю жизнь знала как добродушного старшего брата моих близких подружек, сестер Льюси, и который лишь недавно превратился в нечто большее, чем просто друг семьи. Между нами с Реджи и между нашими семьями созрело понимание, что настанет день, и мы скрепим наши отношения узами супружества. Когда-нибудь потом, но непременно скрепим. Сейчас, в свете столь эффектного ухаживания, союз с Реджи показался мне перспективой пусть и приятной, но слишком уж безмятежной.

Глава 2

Исчезновение. День первый

Суббота, 4 декабря 1926 г.

Хертмор-коттедж, Годалминг, Англия

Тщательность сервировки утреннего стола у Джеймсов дарит ему то чувство внутренней гармонии и цельности, что так редко посещало его после войны. Поблескивающие приборы безукоризненными рядами лежат возле минтонского фарфора. Тарелки с изящной гравировкой (пожалуй, грасмирская, оценивает он) – ровнехонько в двух дюймах от края стола, в центре которого – ваза со скромным, но элегантным сезонным букетом – зеленые ветки падуба с костянками. Боже мой, – говорит он про себя, – именно такой порядок и нужен, чтобы человек чувствовал себя умиротворенным.

Почему совершенство такого уровня не царит в его доме? Почему он вынужден непрерывно сносить оскорбляющие его вещи – терпеть отсутствие хозяйственной строгости, терпеть эмоции и потребности тамошних обитателей? От этих мыслей в нем закипает праведный гнев и крепнет ощущение абсолютной правомерности его действий.

– Полагаю, пора поднять тост, – объявляет хозяин дома Сэм Джеймс, кивнув своей супруге Мадж. Та, в свою очередь, подает знак, и горничная в униформе берет шампанское, которое охлаждается в ведерке на отдельном столике.

– Арчи, мы собирались выпить за твои планы еще вчера вечером, но внезапный визит преподобного... – принимается объяснять Мадж.

Лицо Нэнси заливают нежно-розовая краска. Плавающие щеки, конечно, очень ей идут, но Арчи понимает, что Нэнси весьма неловко от повышенного внимания Джеймсов к их ситуации. Он успокаивающе поднимает руку.

– Я весьма признателен за этот жест, дорогая Мадж, но в нем нет необходимости.

– Умоляю тебя, Арчи, – не сдается Мадж. – Мы в восторге от твоих планов. Другой возможности их отметить может не представиться.

– Мы настаиваем, – вторит ей Сэм.

Упорствовать с протестами будет неучтиво, что Нэнси превосходно понимает. Чувство приличия – их с ней общая черта, и он очень дорожит этим ее качеством. Оно избавляет от нужды в твердой руке – в том, что он считает своим долгом применять всегда и везде. Особенно у себя дома.

– Благодарю! Ваша поддержка имеет для нас огромное значение, – отвечает он.

Нэнси согласно кивает.

Горничная начинает разливать по хрустальным бокалам пузырящееся, медового цвета шампанское. Последний бокал наполнен, и в тот же миг раздается стук в дверь.

– Извините за вторжение, сэр, – слышится женский голос с сильным деревенским выговором, – но полковника просят к телефону.

Они с Нэнси обмениваются недоуменными взглядами. Он не ждал, что ему позвонят, а тем более так скоро – ведь он сделал все, чтобы сохранить в тайне свои планы на этот уик-энд. По понятным причинам Нэнси возвращает бокал на стол и легко прикасается к его локтю через льняную крахмальную салфетку. Этим жестом она показывает ему, что звонок касается их обоих.

– Прошу прощения, – произносит он, кивнув хозяевам, которые тоже ставят свои бокалы. Он встает и застегивает пиджак, глядя на Нэнси с уверенностью, которой отнюдь не испытывает. Большими шагами он выходит из столовой, осторожно притворив за собой дверь.

– Сюда, сэр. – Служанка ведет его в каморку, спрятавшуюся под богато декорированной главной лестницей Хертмор-коттеджа (нелепое название для столь роскошного дома). Там он видит на стенке телефон, а на столе – ожидающий его наушник.

Он садится на стул, прижимает наушник к уху, а микрофон – ко рту.

– Алло, – произносит он, дождавшись, когда дверь за служанкой закроется. Ему ненавистна нерешительность, которую он слышит в своем голосе. Ведь сильный характер – это как раз то, что Нэнси ценит в нем превыше всего.

– Прошу извинить меня, сэр. Это Шарлотта Фишер.

Какого дьявола возомнила Шарлотта, что посмела звонить ему сюда? Да, он доверил ей информацию о Хертмор-коттедже, но снабдил свои слова строжайшими наказами. В последние месяцы он из кожи вон лез в борьбе за расположение семейной гувернантки-секретаря, считая, что оно обеспечит плавный, как он надеется, переходный период, но сейчас он не намерен с ней миндальничать и даже не пытается скрыть свой гнев. И к чертям последствия!

– Шарлотта! Я полагал, что дал тебе исчерпывающие инструкции: не звонить сюда ни в коем случае. Только при чрезвычайнейших обстоятельствах.

– Понимаете, полковник... – Она запнулась. – Я сейчас в Стайлзе, рядом со мной стоит констебль Робертс.

Шарлотта умолкла. Она что же, в самом деле думает, что такого объяснения достаточно? Мол, в его доме полицейский – и это всё? Что она хочет от него услышать? Она ждет, когда он заговорит, и в этой тишине его охватывает ужас. Он не может подобрать слова. Что ей известно? А главное – что известно констеблю? Любое слово может захлопнуть капкан.

– Сэр, – произносит она, не дождавшись ответа. – Думаю, обстоятельства вполне можно считать чрезвычайными. Ваша жена исчезла.

Глава 3

Рукопись

12 октября 1912 г.

Когда стало окончательно ясно, что звучит музыка Берлина, среди публики прокатился вздох удивления. Гости постарше стояли неуверенные, насколько пристойным будет танец под такую модную мелодию, а мой визави без всяких раздумий повлек меня к танцевальной части зала. Там он сразу же выбрал откровенный уанстеп, и остальная молодежь вскоре последовала нашему примеру.

Причудливые фигуры танца держат партнеров на некотором расстоянии друг от друга, но наши тела оказались в опасной близости. Я уже почти жалела, что на мне не старомодное платье с броней корсета. Пытаясь создать хоть какой-то барьер – пусть даже вымышленный – между собой и этим напористым незнакомцем, я устояла куда-то за его плечо. А он не отрывал взгляда от моего лица.

Обычно в танце мы с партнером непринужденно о чем-нибудь болтаем, но это был не тот случай. О чем говорить с таким кавалером? В итоге молчание нарушил он.

– Вы даже прелестнее, чем вас описывал Артур Гриффитс.

Трудно сказать, какая часть реплики изумила меня больше – то, что у нас с этим странным человеком есть общие знакомые, или что он имел дерзость назвать меня «прелестной», хотя мы даже не были формально представлены. В моем кругу существовали строгие неписанные нормы поведения, и пусть они в последние годы смягчились, но все равно позволять себе с места в карьер комментарии по поводу моей внешности было нарушением даже самых либеральных правил. Будь я честна сама с собой, то призналась бы себе, что его открытость показалась глотком свежего воздуха, но девушкам вроде меня не полагалось любить прямооту. Он оставил мне только два варианта: или, топнув ногой в ответ, оставить наглеца, или полностью игнорировать его слова. Учитывая, что этот человек, несмотря на всю его бестактность, меня заинтриговал, я выбрала второе и благосклонно спросила:

– Вы знакомы с Артуром Гриффитсом?

Это сын местного викария.

– Да, мы оба служим в полевой артиллерии, сейчас расквартированы в эксетерском гарнизоне. Узнав, что служебные обязанности не позволяют ему сегодня здесь присутствовать, он попросил меня прийти вместо него и приглядеть за вами.

Ладно, это кое-что объясняет, подумала я. Встретив его взгляд, я обнаружила, что глаза у него – удивительные, светло-голубые.

– Почему вы сразу не рассказали?

– Не знал, что это нужно.

Я не стала констатировать очевидные вещи – что любой джентльмен умеет правильно представляться, упоминая при этом общих знакомых. Вместо этого я пыталась быстро придумать вежливый ответ.

– Он неплохой парень, – в итоге сказала я.

– Вы хорошо знакомы с Артуром?

– Не очень. Но он славный. Я познакомилась с ним, когда гостила у Мэтьюсов в Торп-Арч-холле, в Йоркшире, и мы поладили.

Мой кавалер – который до сих так и не назвал своего имени, – ничего не ответил. Молчание томило меня, и я разговорилась.

– Он неплохо танцует.

– Похоже, вы разочарованы, что вместо него здесь я.

Я решила проверить, получится ли у меня приподнять настроение у этого молодого человека.

– Что ж, сэр, это наш первый танец. И коль скоро вы избавили меня от бальной книжки, у вас пока есть шанс станцевать еще раз и показать мне ваше мастерство.

Он рассмеялся глубоким бархатным смехом. Мы кружились по залу мимо знакомых лиц Уилфредов и Синклеров, и я хохотала вместе с ним, чувствуя себя не такой, как все они. Свободнее. Живее.

– Именно это я и намереваюсь сделать, – сказал он.

– Чем вы занимаетесь в Эксетере как офицер? – осмелев, спросила я.

– Летаю.

Я на миг застыла. В те времена все с ума сходили при мысли о полетах, а тут – пожалуйста, я танцую с живым авиатором! У меня дух перехватило от восторга!

– Летаете?

Его щеки вспыхнули, это было заметно даже при тусклом освещении зала.

– М-м, на самом деле в настоящий момент мое занятие – артиллерия, при том что я – 245-й профессиональный авиатор Британии. Правда, уже скоро я перейду в Королевский летный корпус, который сейчас формируется. – При этих словах его грудь, и без того широкая, стала еще шире.

– И каково это – летать в небе?

Впервые за все время он оторвал взгляд от меня и устремил его на покрытый фресками потолок, словно там, в этих фальшивых небесах с херувимами, он сможет вновь пережить нечто и впрямь настоящее.

– Странное и пьянящее чувство – быть почти у самых облаков и глядеть на маленький мир внизу. Но и довольно пугающее.

– Не могу даже представить. Но хотела бы попробовать, – хихикнула я.

Взгляд его голубых глаз омрачился, а голос посерьезнел.

– Я решил летать не ради острых ощущений, мисс Миллер. Случись война – а ее, по моему убеждению, не миновать, – аэропланы приобретут первостепенное значение. Я собираюсь стать неотъемлемой частью боевых действий, важным винтиком гигантской военной машины. Само собой, я сделаю все, чтобы помочь Англии, но и рассчитываю извлечь из этого пользу для своей будущей карьеры после войны, когда авиация станет важной частью нашей экономики.

Его воодушевление и решительный взгляд на вещи не оставили меня равнодушной. Ни дома в Девоне, ни в Египте мне не доводилось встречаться с такими мужчинами, как он. Я с трудом дышала – и не только от резвого темпа уанстепа.

Прозвучали финальные ноты «Рэгтайм-оркестра», и, остановившись, я попыталась вывернуться из его рук, но тут он потянулся к моей ладони.

– Оставайтесь пока здесь. Вы же сами сказали, что бальной книжки у вас больше нет. Вы свободны.

Я стояла в нерешительности. Танцевать с ним, попытаться разгадать тайну этого необычного человека – этого мне хотелось больше всего на свете. Но в моей голове звучали выговоры мамочки: мол, если девушка – особенно девушка уже ангажированная – танцует с джентльменом два танца подряд, то подает ему тем самым компрометирующий ее сигнал. За свои тревоги мне хотелось получить что-нибудь взамен.

– При одном условии, – сказала я.

– Все что угодно, любое условие, мисс Миллер.

– Вы скажете, как вас зовут.

Он вновь вспыхнул, осознав, что при всех своих геройских жестах забыл об азах протокола. Отвесив глубокий поклон, он представился:

– Очень приятно познакомиться с вами, мисс Миллер. Я – лейтенант Арчибальд Кристи.

Глава 4

Исчезновение. День первый

Суббота, 4 декабря 1926 г.

Хертмор-коттедж, Годалминг, Англия,

и Стайлз, Саннингдейл, Англия

– Все в порядке? – спрашивает Сэм, когда Арчи возвращается в столовую.

Он уже соорудил в голове ответ на этот неизбежный вопрос, но все равно отвечает с запинкой, когда приходит пора произнести слова вслух. Ложь никогда не давалась ему легко, хотя в последнее время обстоятельства не жалели для него возможностей попрактиковаться.

– Это, м-м-м, моя мать. Боюсь, она заболела.

Он не успевает перейти к дальнейшим пояснениям, как Мадж потрясенно охает.

– Доктор говорит, ничего серьезного, – успокаивает он ее, подняв руку. – Но она хочет меня видеть. Что поделать?

– Сыновий долг и все такое, – кивает Сэм.

– Ну что ж, если ничего серьезного, то, может, одолжишь нам Нэнси до обеда? – спрашивает Мадж, оправившись от тревог за здоровье матери Арчи и бросая жеманный взгляд на подругу. – Мы с Сэмом с удовольствием поддержали бы ее в

плену на пару партий в вист.

– Не вижу препятствий, – отвечает Арчи, одаривая Мадж и затем Нэнси своим лучшим подобием улыбки. Нэнси – она такая милая, такая покладистая, такая прелестная в своем бледно-голубом платице – заслуживает того, чтобы весело и беззаботно провести день с подругой.

– Сможешь вернуться к ужину? – спрашивает Сэм, и Арчи физически ощущает на себе весь груз разочарования Джеймсов. Они столь любезно спланировали этот уик-энд, а он испортил их жест. Причем такой жест, которого от других людей едва ли можно ожидать.

– Я позвоню и сообщу, будет ли такая возможность. Если нет... – Он внезапно замолкает, не зная, что сказать. Он понятия не имеет, что ждет его в Стайлзе, что известно полиции, и не может планировать разные непредвиденные обстоятельства. Честно говоря, об этих обстоятельствах он даже думать не решается.

– Не волнуйся, старина, – приходит на выручку Сэм. – Если вечером ничего не получится, мы отвезем Нэнси домой.

Исполненный благодарности, Арчи огибает стол, чтобы пожать другу руку. В тот самый миг, когда их ладони встречаются, раздается стук в дверь.

– Как, опять? Вот чертова прислуга! – ворчит Сэм. – Что на этот раз? – кричит он.

– Тут у дверей полицейский, сэр, – отвечает служанка через скважину.

Арчи становится дурно. Он знает – или думает, что знает, – зачем стоит полицейский у дверей Джеймсов.

– Что?! – Сообщил служанка Сэму, что его любимая гончая вдруг сделалась пуделем, едва ли он имел бы более ошеломленный вид. Полиция существует, чтобы разбираться с драками среди работяг, а не стучать в двери загородных особняков.

– Да, сэр, офицер из полиции, сэр. Он ищет полковника.

– Это еще зачем?

– Он не говорит, сэр. Только твердит, что ему нужен полковник.

Унижение от того, что за ним явился полицейский – ведь это разоблачает его выдумку о здоровье матери, – затмевает тревоги по поводу самого факта. Что теперь думают о нем Мадж с Сэмом? Как он все это объяснит? И им, и Нэнси.

На дороге его «Деляж» слегка заносит из-за попавшего под колесо камня, и он на время теряет из виду полицейскую машину, за которой должен следовать. Этот недолгий отрыв от полиции роняет в его душу семя безрассудства. А что, если он просто уедет, уклонится от того, что ожидает его в Стайлзе? Сможет ли полиция его догнать?

Нет, он встанет перед лицом возмездия бесстрашно, как подобает мужчине. И не важно, как другие будут судить его действия, но он ни за что не желает выглядеть человеком, который манкирует своим долгом, бежит от своих ошибок.

Вслед за полицией он сворачивает на знакомую дорожку, ведущую к дому. Пыль из-под колес полицейской машины на миг закрывает поле зрения, и когда видимость возвращается, перед ним возникают острые тюдоровские крыши Стайлза, производящие на него почти столь же сильное впечатление, как и в тот день, когда он увидел их впервые. Сколько всего изменилось с тех пор, – думает он и гонит прочь эти воспоминания.

Арчи сознает, что ему нужно как-то перехватить инициативу. Пожалуй, следует дать понять, что он – полноправный хозяин Стайлза, и вести себя соответственно. Поэтому он выходит из «Деляжа», не дожидаясь полицейских. Твердо прошагав мимо других служебных машин, припаркованных у Стайлза на главной подъездной дорожке, он направляется напрямик к приоткрытой парадной двери и распахивает ее. Внутри он с удивлением обнаруживает, что никто из офицеров в черной форме, собравшихся на кухне, словно рой смертоносных пчел вокруг матки, его не замечает. Арчи понимает, что ему выдался исключительный шанс оценить ситуацию, прежде чем придется говорить.

Он осматривает длинный стол красного дерева вдоль правой стены прихожей, проверяя, не лежат ли на серебряном подносе чьи-нибудь визитные карточки. Сам поднос пуст, но есть кое-что необычное. Из-под него виднеется уголок конверта – характерная кремовая бумага жены.

Арчи бросает взгляд на полицейских, внимающих громкому, но в то же время странным образом приглушенному голосу невидимого человека (несомненно, шефа), и осторожно выдергивает конверт. Затем, стараясь ступать как можно мягче, он прокрадывается к себе в кабинет и тихонько притворяет за собой дверь.

Там он хватает канцелярский нож с ручкой из слоновой кости и вскрывает конверт. Со сложенного листка бумаги на него выпрыгивают остроконечные буквы – размашистый почерк жены. Время сильно поджимает, но на то, чтобы пробежать глазами весь текст, требуется больше пары секунд. Закончив, он отрывает взгляд от письма и чувствует, что, пробудившись от легкой дремы, попал в кошмарный сон. Когда и как, черт побери, она умудрилась это написать – не в смысле откуда у нее время, а в смысле откуда у нее такая дальновидность, такая проницательность, такая упорная расчетливость?

Арчи кажется, будто и без того узкий кабинет сжимается вокруг него, и ощущает удушье. Но он понимает, что надо действовать. Из письма очевидно, что это не он придумал некий план, а наоборот, сам – не более чем объект чужого замысла, загнанный в лабиринт, откуда необходимо отыскать выход. Швырнув письмо на стол, он принимается шагать по комнате, которая на глазах становится мрачнее из-за надвигающейся грозы. Во имя всего святого, что же ему делать?!

В одном он уверен. Да, он готов принять кару, но сам вручать ключи тюремщику тоже не собирается. Это письмо не должен увидеть никто. Подойдя к камину, он бросает послание вместе с конвертом в пламя и смотрит, как сгорают слова Агаты.

Глава 5

Рукопись

19 октября 1912 г.

Эшфилд, Торки, Англия

Выйдя от Меллоров, я перешла дорожку и припустила домой в Эшфилд. Мы с Максом Меллором, моим приятелем, весело играли в бадминтон, когда служанка позвала меня к телефону. Это была мама, которая строгим голосом наказала мне вернуться, поскольку меня «уже целую вечность» дожидается неизвестный молодой человек. Сначала она говорила ему, что я буду через четверть часа, но, когда я не явилась в обозначенный срок, – а он все не уходил и не уходил, а я все не возвращалась и не возвращалась, – она была вынуждена прибегнуть к телефону. Кем бы ни оказался этот несчастный, он не разглядел, должно быть, ни одного из намеков, которыми мама давала понять, что ему, пожалуй, уже пора.

Если бы не мама, я ни за что не пошла бы сейчас домой, тем более что мы с Максом так прекрасно разыгрались. Жизнь в Торки целиком состояла из таких ленивых часов. Днем – импровизированные пикники, водные и верховые прогулки, спортивные развлечения, музыкальные посиделки. На закате – тщательно организованные вечеринки с танцами в саду или в доме. Недели, месяцы проплывали в нежном, беззаботном сне, где девушка стремится к одному – заполучить жениха, и я не испытывала ни малейшего желания пробуждаться.

Я предположила, что мой посетитель – скучный морской офицер со вчерашней вечеринки, который все умолял меня почитать гостям вслух его вирши. Даже будь моя догадка верна, мне не хотелось, чтобы он надоедал матушке слишком долго, хотя я и не собиралась продолжать наше с ним пустое общение. Мама, конечно, женщина снисходительная и мягкая – особенно со мной, – но, если ей докучает зануда или кто-то мешает заниматься делами, она может и рассердиться. Когда десять лет назад умер отец, я стала для матери центром внимания и компаньонкой – особенно после того, как Монти и Мадж, мои старшие брат с сестрой, начали жить своей жизнью, – и мне это нравилось. Мы чудно ладили – никто на свете не понимал меня лучше, чем мама, а я относилась к ней бережно, хоть она и была гораздо сильнее, чем могло показаться на первый взгляд. Потрясшая нас смерть отца и унаследованные от него непростые

финансовые обстоятельства крепко сплотили нас – «вдвоем против всего мира» и все такое.

С покрасневшими от быстрой ходьбы щеками я освободилась от кардигана и вручила его нашей служанке Джейн. Прежде чем направиться в гостиную, я задержалась у зеркала в прихожей, чтобы проверить, насколько приличный у меня вид. Мои каштановые волосы, которые на солнце делались темно-русыми, выглядели очень даже ничего, несмотря на выбившиеся из косы завитки – или благодаря им. Я решила не засовывать их обратно под шпильки, но все же пригладила прическу. Меня совершенно не заботило мнение молодого человека в гостиной, но мне нравилось поддерживать в маминых глазах свой образ «очаровательной девушки».

Когда я вошла в гостиную, мать со своего обычного места – в кресле у камина, – внимательно осмотрела меня. Отложив вышивку, чтобы при первом удобном случае покинуть комнату, она встала, и сидевший напротив нее молодой человек последовал ее примеру. Я видела лишь его песочного цвета затылок – гораздо светлее, чем, насколько мне помнится, были волосы того морского офицера.

Я шагнула к ним, сделала короткий книксен, взглянув снизу вверх сначала на маму, а потом – на посетителя, и, вздрогнув, поняла, что передо мной отнюдь не морской офицер. Это был тот самый мужчина с бала в Чадли, Арчибальд Кристи.

От изумления я поначалу лишилась дара речи. За прошедшую с тех пор неделю он ни разу не объявился, и я начинала думать, что уже, наверное, и не объявится. Обычно джентльмены выказывают интерес к барышне через день или два после бала, но никак не через семь.

– Агата, – наконец произнесла мать, кашлянув, – этот молодой человек – кажется, его зовут лейтенант Кристи – говорит, что вы познакомились в Чадли.

– Да, мамочка. – Я взяла себя в руки. – Это лейтенант Кристи из Королевской полевой артиллерии, из гарнизона в Эксетере, и мы действительно познакомились на балу у Клиффордов в Чадли.

Она смерила его взглядом.

– Досюда от Экстера – путь неблизкий, лейтенант Кристи.

– Так точно, мэм. Я случайно проезжал на мотоциклетке через Торки и вспомнил, что здесь живет мисс Миллер. Справился у прохожего, и вот я здесь.

– И вот вы здесь. – Она вздохнула. – Надо же, какое совпадение – случайно оказались в Торки.

Нотки сарказма и недоверия в голосе матери не заметить было невозможно, и меня удивило, что моя мягкая, любящая мама позволяет колкости с незнакомцем. Что он ей сделал в эти четверть часа? Или это просто из-за того, что он – не Реджи? Я бросила взгляд на лейтенанта Кристи, чьи щеки горели пунцовым. Мне стало ужасно жаль его, и я поспешила на выручку.

– Помнится, вы на балу упомянули, что у вас, возможно, будут в Торки дела. В смысле, по службе.

На его лице отразилось облегчение, и он ухватился за придуманный мною предлог.

– Точно, мисс Миллер. И вы еще любезно пригласили навестить вас, когда я окажусь в этих краях.

Мама на этот диалог не купилась, но он вернул лейтенанту Кристи толику уверенности в себе. И снабдил маму предлогом покинуть гостиную. В отличие от континентальных обычаев, в Англии допускается оставлять неженатого джентльмена и незамужнюю даму наедине – при условии, что старшая компаньонка где-нибудь неподалеку, или же если пара занята танцами.

– Ладно, мне надо обсудить с Мэри меню на ужин. Была рада познакомиться с вами, лейтенант... – Она притворилась, что забыла его имя, давая понять, какого мнения она об этом молодом человеке.

– Кристи, мадам.

– Лейтенант Кристи, – сказала она, выходя из комнаты.

Мне показалось, что, когда дверь за мамой закрылась, мы выдохнули одновременно.

– Почему бы нам не прогуляться по саду? – спросила я, решив во что бы то ни стало поднять нам настроение. – Сейчас прохладно, но у нас там есть кое-что любопытное. И потом, мне хотелось бы взглянуть на вашу мотоциклетку.

– Это было бы чудесно, мисс Миллер.

Служанка помогла нам надеть пальто (для продолжительной прогулки требовалась одежда потеплее кардигана), и мы не спеша вышли из дома. Проходя мимо огорода, обнесенного высокой изгородью, я пояснила лейтенанту Кристи, что огород привлекателен только в сезон малины и яблок, а сейчас задерживаться здесь нет смысла, и повела его в сад.

После зрелища мук лейтенанта под испытующим взглядом матери я стала чувствовать себя с ним свободнее.

– Могу я доверить вам тайны нашего сада? – спросила я с широкой улыбкой и слегка насмешливо.

Ответной улыбки не последовало. Вместо этого он пристально посмотрел на меня голубыми глазами и произнес:

– Думаю, вы можете доверить мне все свои тайны.

Меня несколько сконфузила его напористость, но когда я показала ему свои родные деревья – падуб, кедр, шелковицы, а еще две ели, которые Мадж и Монти раньше считали своими, – мои нервы пришли в порядок.

– А этот бук – мой любимец. Он самый большой в саду, и в детстве я любила обжираться его орешками. – Я провела рукой по стволу, вспоминая давно прошедшие деньки, когда девочкой я не слезала с его ветвей.

– Понимаю, почему этот сад так дорог вам. Он чудесный, – произнес лейтенант и указал на видневшуюся вдали рощу. – Этот лес тоже ваш?

Его взгляд был живой и восторженный. Он решил, наверное, что мы – богачи. Эшфилд и земля вокруг действительно впечатляют, если закрыть глаза на пятна плесени и облезающую краску. В моем раннем детстве мы жили богато –

финансовые проблемы посыпались на нас, когда мне было пять, и отцу – выходцу из зажиточной американской семьи, не работавшему ни дня в своей жизни, полагая, что деньги будут вечными, – пришлось трудиться изо всех сил ради жены и детей. Лишь сдав дом в аренду и переехав за границу, где жизнь была относительно дешевле, мы смогли обеспечить себе некое подобие привычного существования. Перегрузки, к которым мой бедный милый папа не был готов, подорвали его здоровье, он стал увядать и десять лет назад нас покинул. И мы с матерью начали влачить жалкое существование за счет милосердия друзей и родных плюс скромный доход, который стал еще меньше, когда закрылась акционерная компания, платившая нам кое-какие скудные дивиденды.

– Да, – ответила я и повела его по тропинке среди ясеней. – Но здесь деревья обычные, для маленькой девочки в них нет ничего волшебного. Не говоря уже о том, что эта тропинка ведет к лужайкам для крокета и тенниса, которых я никогда особо не любила.

– Почему?

– Наверное, в детстве мир фантазий мне был ближе, чем мир спорта, – сказала я, но лейтенант Кристи не ответил, с интересом и удовольствием разглядывая лужайки. Он и представить себе не мог, сколь категорически неспортивной я бывала тут, несмотря на все свои героические усилия, – лишь в бадминтоне мне удалось добиться минимального успеха. Насмотревшись на мои душераздирающие потуги, мамочка, всегда готовая прийти на помощь, перенаправила мой энтузиазм на музыку, театр и сочинительство. В этих областях я преуспевала, особенно когда училась во Франции, хотя с недавних пор – по совету почтенного пианиста Чарльза Фурстера и лондонских педагогов по вокалу – мне пришлось отказаться от надежд стать профессиональной пианисткой или певицей. Но сочинительство осталось моей страстью и вошло в привычку – подобно тому, как другие молодые девушки увлекались вышивкой или рисованием пейзажей. Но я всегда понимала, что это занятие нельзя воспринимать всерьез, что оно – лишь способ провести время, и что моя судьба будет зиждиться на будущем браке. Кем бы он ни оказался. И когда бы ни появился.

– А у вас в детстве было особое место? – спросила я, когда мне наскучило молчание лейтенанта Кристи, погруженного в изучение лужаек.

Его брови нахмурились, взгляд помрачнел.

– Ранние годы я провел в Индии, где мой отец был судьей на гражданской службе. Вскоре после нашего возвращения в Англию он умер, упав с лошади. Мы с матерью жили у ее родных на юге Ирландии, пока она не вышла замуж за Уильяма Хемсли, преподавателя из Клифтонского колледжа, куда я потом и пошел учиться. Как видите, мне пришлось жить то там, то сям, поэтому в детстве у меня никаких особых мест не было – во всяком случае, мест, которые я мог бы назвать «своими».

– Это ужасно грустно, лейтенант Кристи. Но если хотите, я могу поделиться с вами эшфилдским садом. Можете приходить в любое время, когда будете в Торки.

Он вновь устремил свой взгляд на меня, словно пытаясь запечатлеть мой образ в своих голубых глазах

– Если вы не шутите, мисс Миллер, я почту за честь.

Мне хотелось увидеться с этим необычным человеком снова. В голову начали закрадываться мысли о моих обязательствах перед Реджи, я чувствовала себя немного виноватой, но держалась стойко.

– Я буду счастлива, лейтенант Кристи.

Глава 6

Исчезновение. День первый

Суббота, 4 декабря 1926 г.

Стайлз, Саннингдейл, Англия

Торопливо выходя из кабинета, он чуть не нос к носу сталкивается с тем самым молодым полицейским в круглой каске, который ездил за ним в Хертмор-коттедж. Арчи одаривает его презрительным взглядом, – молясь, чтобы роль огорченного негодующего супруга оказалась правильной тактикой, – и гневно мчится на кухню, где собралась толпа полицейских.

– Что все это значит? Почему вы все толчетесь на моей кухне, а не прочесываете окрестности? – рявкает Арчи, стараясь, чтобы в его голосе звучала агрессия, которой он не ощущает.

– Сэр, разумеется, все это удручающе и так навалилось, я понимаю, – говорит, пропуская мимо ушей выкрики Арчи, один из полицейских, совсем юный парень с удивительно мягкими чертами лица.

– Слишком слабо сказано, – бросает в ответ Арчи и вытягивается во все свои шесть футов в надежде дать понять, кто здесь хозяин. – Я хочу поговорить со старшим.

От компании полицейских отделяется офицер средних лет в плохо сидящем сером костюме и мятом плаще. Арчи разглядывает этого мужчину – грудь колесом, двойной подбородок, затрапезный вид, в рыжих усах крошки, – а тот направляется к нему с протянутой рукой и дружелюбной полуулыбкой. Такое выражение лица используют, когда требуется изобразить участие и сердечность, и этот офицер применял его уже несметное число раз – наверняка он служит в сельской полиции. Выглядит это фальшиво, а в усталом взгляде офицера Арчи чувствует ум и подспудные подозрения. С ним бы надо быть осторожнее.

– Мистер Кристи, позвольте представить вам Кенворда, заместителя главного констебля, – объявляет юный полицейский с легким кивком в сторону офицера. Как человек с этой неопрятной внешностью умудрился завоевать столь почтительное отношение подчиненных? – удивляется про себя Арчи, но, когда до него доходит, что чин-то у офицера немаленький, он внутренне вздрагивает. Почему на это дело назначили такого важного детектива?

– Рад знакомству, мистер Кристи, – говорит Кенворд, пока Арчи судорожно пытается собраться с мыслями и скорректировать свое поведение. – Полиция графства Суррей, видите ли, поручила мне это расследование, и я сделаю все,

что в моих силах. – На недавнюю гневную тираду Арчи он никак не отреагировал.

Арчи пожимает Кенворду влажную руку и, перестраиваясь на новую тактику, говорит в ответ:

– Прошу извинить меня, заместитель главного констебля, за то, что вспылил. Сейчас очень нелегкий момент, сами можете представить. Я весьма признателен за ваше содействие, и мне жаль, что наше знакомство происходит при столь непростых обстоятельствах.

– Разумеется, сэр, мы понимаем, в таких ситуациях трудно оставаться спокойным. Но я приложу все свои усилия, обещаю. И, кстати, надеюсь, что в будущем у вас больше не будет повода для подобных вспышек. – В этих словах слышен скрытый упрек – то есть ту тираду Арчи простили, но новых не потерпят, и как только упрек слетает с уст Кенворда, приглушенная болтовня его подчиненных вдруг смолкает. В комнате становится неуютно тихо, опускается молчание, пропитанное невысказанным осуждением.

– Благодарю за понимание, – произносит Арчи, и гомон полицейских возобновляется.

– Заверяю вас, мы делаем все возможное, чтобы отыскать вашу пропавшую жену, – повторяет Кенворд.

Моя пропавшая жена, думает про себя Арчи. Когда эти три слова произносит вслух старший чин полиции, они превращают немыслимое в очень даже возможную реальность, и у Арчи возникает чувство, как если бы у него отнялся язык.

Повисшую паузу заполняет Кенворд:

– У меня к вам пара вопросов, полковник, самых простых. Мы можем уединиться в вашем кабинете?

Арчи внезапно осознает, как ему не хочется допроса в окружении этих бобби, и что уж если придется выставить напоказ своих личных демонов, это требует

приватной атмосферы его кабинета. К тому же, думает он, краткий переход позволит ему собраться с мыслями и обдумать ответы.

Кивнув, Арчи поворачивается и ведет Кенворда в кабинет. Там ему вдруг делается не по себе от опасной близости констебля к камину – ведь он не может допустить, чтобы представитель закона засек среди золы какой-нибудь уцелевший клочок опаленного письма, – и он предлагает Кенворду самый дальний от камина стул. Потом выбирает стул себе и садится так, чтобы Кенворд оказался к камину спиной.

Тот достает из внутреннего кармана плаща записную книжку в кожаном переплете с авторучкой и приступает.

– Обычные рутинные вопросы, уверяю вас. Мы пытаемся установить последовательность событий. Когда вы в последний раз видели жену?

– В пятницу утром, часов в девять. Незадолго до выезда на службу.

Комнату заполняет скрип пера, и Арчи захлестывает волна воспоминаний. Этот особый звук принадлежит миру жены, и обычно им пронизан весь Стайлз. Это – звук мыслей Агаты.

– Можете вспомнить, о чем вы говорили тем утром? – спрашивает Кенворд, выводя Арчи из его дум.

Вздрагнув, Арчи спохватывается о прислуге. Их уже допросили? Следует соблюдать осторожность.

– Трудно сказать наверняка, – отвечает он, стараясь говорить как можно четче. – Полагаю, обычные утренние разговоры. Распорядок на день, новости, истории про Розалинду, нашу семилетнюю дочку, в общем, все такое.

– Вы обсуждали планы на уик-энд?

Это капкан? Что ему известно?

– Точно не помню, – отвечает Арчи уклончиво. – Вполне могли.

– Как вы собирались провести уик-энд – и вы лично, сэр, и супруга?

– Жена хотела поехать в Йоркшир. А я, как вы знаете, проводил уик-энд в гостях у своих друзей, хозяев Хертмор-коттеджа, мистера и миссис Джеймс. Один из ваших людей привез меня оттуда.

– Часто ли вы с супругой проводите уик-энд не вместе? – спрашивает Кенворд, уставившись в свои записи.

Нужно ступать осторожно, – напоминает себе Арчи. Любой вопрос может обернуться шагом к западне.

– Когда того требуют обстоятельства.

– Это не ответ на мой вопрос, сэр.

– Я вам ответил, заместитель главного констебля. – Не успевают эти резкие слова слететь с его уст, как Арчи уже сожалеет о них. Он понимает, что человек, обеспокоенный судьбой своей жены, отчаянно пытается ее разыскать и неразумно напускаться на полисмена, задающего рутинные вопросы. Такой человек охотно отвечает на все вопросы без исключения. Что теперь думает о нем этот констебль? Арчи подозревает, что Кенворд проницательнее, чем может показаться по его помятому виду.

Глаза Кенворда сужаются, он открывает рот, и губы образуют кольцо, которое будет обрамлять следующий вопрос. Но вопрос так и не успевает прозвучать – мешает шум распахнувшейся двери. К офицеру подбегает молодой полицейский и что-то шепчет ему на ухо.

Констебль с неожиданным проворством вскакивает на ноги.

– Извините, сэр, я должен на минуту отлучиться. Появилось новое обстоятельство.

У Арчи внутри все переворачивается. Что, ради всего святого, им удалось так быстро обнаружить? Он идет следом за полицейскими в прихожую.

– Что такое? Что случилось?

– Я дам вам знать, как только лично все выясню, – откликается Кенворд через плечо. – А пока прошу оставаться здесь.

Арчи замедляет шаг и, лишившись возможности действовать, начинает паниковать. Он поворачивается в надежде вернуться под защитную сень кабинета и стараясь взять себя в руки, но в коридоре наталкивается на Шарлотту. Темноволосая гувернантка-секретарь с короткой – модной, но не идущей ей – стрижкой несет чайный поднос с остатками завтрака, который ела, очевидно, его дочь.

– Мисс Розалинда справлялась о вас, сэр, – произносит она извиняющимся тоном.

– Ей что-нибудь известно о нашей ситуации?

– Нет, сэр. Но даже ребенок понимает, что если по дому рыщет полиция, то что-то не в порядке.

– Пусть пока все так и остается. Я скоро наведаюсь к ней в детскую.

Ее голос, обычно бодрый и энергичный, на сей раз звучит с запинкой:

– Вы... вы нашли письмо, сэр?

– Какое письмо? – Арчи изображает самую невинность, молясь про себя, что он недопонял Шарлотту. Что она говорит о каком-то другом письме.

– От хозяйки. На столе в прихожей. Я видела его там вчера вечером, когда вернулась из Лондона, но не стала брать, оставила для вас.

– Ах, это! – Он делает вид, будто только сейчас понял, о чем речь. – Ведь ты же не упоминала о нем полиции? Оно не имеет никакого отношения к... – он жестом обводит дом, – ко всему этому.

– Н-нет, – отвечает она.

Он машинально берет ее под локоть и сжимает немного сильнее, чем собирался.

– Молодец.

Шарлотта тихонько вскрикивает, и он отпускает ее руку.

– Прости. Это все от волнения, – извиняется он.

– Само собой, вы волнуетесь, сэр. – Она потирает руку, но дает понять, что прощает его. – По правде говоря, я сейчас думаю, но не могу вспомнить наверняка, упоминала ли я о нем. Утро прошло как в тумане – тут и с полицией приходится иметь дело, и Розалинда все время спрашивает про маму. О письме никому не говорить?

С одной стороны, ему не хочется, чтобы у Шарлотты сложилось ложное впечатление, которое через нее может невольно передаться другим, но он не может рисковать утечкой информации. Несложно догадаться, к какому выводу придут полицейские, узнав, что пропавшая женщина оставила своему мужу письмо, которое этот самый муж впоследствии сжег. Напрашивается лишь один возможный вывод.

Но как представить это Шарлотте, чтобы получить желаемый результат? Можно, конечно, приказать ей молчать, но вдруг она сообщит о его требовании полицейским? Последствия страшно даже вообразить. Или, может, стоит замаскировать приказ под просьбу? Создать видимость выбора?

– Я не хочу диктовать тебе, Шарлотта, но, думаю, правильнее было бы позволить констеблю сосредоточиться на более важных вещах – поисках хозяйки. Как считаешь?

Шарлотта опускает взгляд на поднос у нее в руках и без энтузиазма соглашается:

– Как вам будет угодно, сэр.

Он готов разрыдаться от облегчения, но ему удается сохранить внешнее спокойствие.

– Умница. К тому же в письме речь шла об одном нашем с супругой личном деле, имевшем место еще до вчерашних событий. И это письмо по сути не проливает свет на то, где ее искать.

Глава 7

Рукопись

19 ноября 1912 г.

Эшфилд, Торки, Англия

– А теперь, Джек, можешь бежать в сад, – объявила моя сестра Мадж, когда мы допили чай. Мне с трудом верилось, что ее сын Джеймс, которого все называли Джеком, превратился из малыша во взрослеющего девятилетнего парнишку. Едва дождавшись разрешения выйти из тюрьмы эшфилдского чайного стола, он вскочил и бросился на волю, несомненно надеясь застать последний солнечный час, пока его вновь не заточили в четырех стенах дома.

– Вы позволите и мне удалиться? – спросил Джимми, добродушный супруг Мадж.

– А ты неплохо меня изучил, дорогой! – улыбнулась Мадж. – И как только ты догадался, что девочки хотят поболтать о своем, о девичьем?

– Да, дорогая, за все эти годы я и впрямь немного тебя узнал. К тому же у меня есть одна сестренка, которая даст вам с Агатой фору в части девичьих бесед. – Джимми имел в виду свою сестру Нэн Уоттс. Он неторопливо двинулся к двери, доедая на ходу ячменную лепешку, которая оставляла крошки в его рыжеватых усах. – И не забудь, что через час нам уже пора, – добавил он через плечо уже из коридора.

Я бросила взгляд на Мадж – самоуверенная, каштановый локон, мастерски завитый над ухом, тройная нитка жемчуга на шее и груди, алый кашемировый

кардиган, накинутый на плечи, шелковое платье в цветочек. Ее лицо не назвать красивым в классическом смысле, но благодаря особой манере держаться оно притягивало людей, как магнит. Я пыталась поймать ее взгляд, гадая, о чем таком девичьем мы будем болтать, но Мадж повернулась к маме, и та кивнула в ответ. Что они задумали? И не специально ли ради этого Мадж и Джимми столь неожиданно нагрянули в Эшфилд? Я вдруг почувствовала себя в клетке.

– Мама говорит, у тебя новый кавалер, – произнесла Мадж, вынимая сигарету из серебряного портсигара с монограммой. Она постучала сигаретой о стол, зажгла спичку, сделала глубокую затяжку – в тот момент сестра показалась мне самой утонченностью, но я знала, что мама этого не одобряет, считая новую повальную моду на курение неподобающей леди. – И при этом ты остаешься помолвленной с Реджи Льюси.

Наши семьи дружили испокон веку, а мы с Реджи были родственными душами, оба выросли в милой, ленивой атмосфере Девона. Он, как и я, богатством не отличался, но имел звание майора в Королевской артиллерии с достаточно надежными перспективами. Отбывая на два года в Гонконг, этот очаровательно застенчивый, темноволосый, кареглазый юноша сделал предложение – впрочем, речь шла не об официальной помолвке, вовсе нет, а о некоем свободном соглашении между нашими семьями. Но накануне отъезда он сказал, чтобы я не сторонилась других молодых людей – на танцах или вечеринках, – пока у нас с ним все окончательно не решится. Так что я поймала Реджи на слове и вела свою обычную жизнь, включая посещение светских балов, где танцы подразумевались сами собой. Мне не в чем было себя упрекнуть, пока не появился Арчи.

Мои щеки вспыхнули. Я преклонялась перед Мадж, всегда искала ее одобрения, поэтому было так ужасно, когда она обращалась со мной, как с ребенком. Или того хуже – когда мама занимала ее сторону. В такие минуты наша с Мадж одиннадцатилетняя разница в возрасте превращалась в непреодолимую бездну. Слава богу, хоть Монти никогда нет рядом, иначе я оказалась бы одна против троих.

Мои плечи и спина застыли.

– Не знаю, Мадж, о чем ты. Реджи не хотел, чтобы я сидела и кисла дома. Он специально подчеркнул, что я должна выходить на люди и даже общаться с другими парнями. В конце концов, он же пробудет в Гонконге целых два года. –

Мой голос стал крикливым, в нем зазвучали оборонительные нотки, а я этого терпеть не могла.

– Едва ли он имел в виду общение именно с парнями, Агата. В том смысле, в каком, если я правильно понимаю, ты общаешься с этим лейтенантом Кристи. – Она бросила едва заметный взгляд в сторону мамы. Они явно обсуждали нас с Арчи за моей спиной. Я уже некоторое время подозревала, что мама недолюбливает Арчи (причем я не замечала, чтобы он дал ей хоть какой-то повод для неприязни, кроме того факта, что он – не Реджи Льюси), но сейчас мои подозрения подтвердились. Полагаю, именно мама надоумила Мадж провести со мной эту беседу.

– Можно подумать, Мадж, у нас с лейтенантом Кристи какие-то особые отношения. Он просто стал частью моего окружения, вот и все.

Не успела я произнести эти слова, как сама увидела, что говорю неправду. В последние недели лейтенант Кристи, поймав меня на слове, зачастил с визитами. Он то и дело – и порой неожиданно – наведывался в Торки, причем без надуманных поводов вроде «служебного поручения», которое якобы привело его в Эшфилд в первый раз. На самом деле он даже признался – смущаясь и краснея, – что нарочно выведал мой адрес у Артура Гриффитса. Несмотря на постоянные визиты, он оставался в целом чужим человеком, хотя меня странным образом увлекала его непохожесть на других молодых людей – его воодушевление и решимость.

– Но в качестве именно твоего друга. По твоему приглашению. Непохоже, чтобы он был общим закадычным приятелем. – Мадж стала повышать голос, и я – вслед за ней. Вероятно, понимая ее правоту.

– Ты не знаешь, о чем говоришь, Мадж. Он мне не кавалер! – заорала я.

– Ты продолжаешь твердить одно и то же, хотя все указывает на обратное. – Она замолкла, но потом вновь бросилась в атаку – теперь с другого фланга. – Мы не знакомы с его семьей, Агата. Вот Льюси мы знаем хорошо. И если ты планируешь продолжать ваши отношения, то тебе стоит иметь в виду, что ты выходишь замуж не только за человека, но и за все его семейство. Уж мне-то это хорошо известно, – добавила она с театральным вздохом. Ее жалобы на родню мужа стали притчей во языцех.

Мы поднялись из-за стола и встали лицом к лицу.

– Девочки! – окликнула нас мама. – Довольно!

Наша беседа грозила вылиться в полномасштабную перебранку, и мама – какие бы чувства к Арчи она ни испытывала – не потерпела бы, чтобы разногласия между дочерьми достигли такого накала.

Мы с Мадж вернулись на свои места, и сестра потянулась за новой сигаретой. Мама как ни в чем не бывало занялась вышивкой. Мадж нарушила молчание первой.

– Слышала, ты не даешь заржаветь моей старой пишущей машинке?

Похоже, мама при описании моей жизни на детали не поскупилась. Неужели я никогда не смогу оградить свою территорию от поучений старшей сестры? Поначалу я стеснялась пользоваться ее машинкой, поскольку именно на ней Мадж писала свои на шумевшие статьи для «Вэнисти Фэйр»[1 - Vanity Fair – английский общественно-литературный журнал, издававшийся с 1868 по 1914 гг. В числе авторов в разное время были Льюис Кэрролл, П.Д. Вудхаус и др. (Здесь и далее примеч. пер.)] и я думала, что сестра еще захочет забрать принадлежащий ей инструмент. Но мама заверила меня в обратном.

– В том числе, – ответила я, не успев еще оправиться от ее проповеди об Арчи и Реджи.

– Читаешь что-нибудь? – спросила она, видя мою угрюмость и пытаясь смягчить меня нашей общей любимой темой.

Мы с Мадж заядлые читательницы, и именно она стала моим проводником в мир детективных романов. Холодными зимними вечерами в Эшфилде – мне было лет семь или восемь – она учредила ритуал: читала на ночь вслух рассказы сэра Артура Конан Дойла. Эта практика длилась до тех пор, пока она не стала миссис Джеймс Уоттс, и тогда я продолжила без нее. В капкан детективного жанра я угодила благодаря роману «Дело Ливенворта», написанному Анной Кэтрин Грин[2 - Анна Кэтрин Грин (1846–1935) – американская писательница, впервые употребившая слово «детектив» как название жанра.] еще за десять лет до публикации первого рассказа о Шерлоке Холмсе. Это была не книга, а

настоящая головоломка, где богатого коммерсанта убивают в запертой комнате его нью-йоркского особняка на Пятой авеню из пистолета, который в момент убийства находился в другой запертой комнате.

– Да. – Мой голос еще оставался прохладным. – Только что дочитала новую книгу Гастона Леру «Тайна желтой комнаты».

Ее глаза заблестели, и она придвинулась на стуле поближе ко мне.

– Я тоже ее прочла. По-моему, неплохая. А как тебе?

И вот наши разногласия уже позабыты – мы обе поглощены обсуждением достоинств и недостатков романа. Я восторгалась изощренностью преступления, тем, как злоумышленнику удалось исчезнуть из несомненно запертой комнаты, а Мадж больше всего понравилось, что книга проиллюстрирована схемами помещений, послуживших местом преступления. Нас обеих восхитила интеллектуальная загадка в романе, но мы сошлись на том, что это все равно не Шерлок Холмс – тот оставался нашим любимым литературным героем.

– Мне бы хотелось попробовать самой написать детектив на твоей машинке. – Я вслух высказала мысль, которая в последнее время не давала мне покоя.

Мадж удивленно вскинула брови – ее типичное выражение лица – и выпустила длинную струю дыма.

– Не думаю, Агата, что у тебя получится, – наконец сказала она. – Писать детективы очень сложно. Я и сама хотела было попытаться свои силы, но это слишком хитрая задача.

Это, безусловно, значило, что если уж детективный роман не получился даже у нее, то малышке-сестре и подавно ничего не светит. Но я не собиралась давать ей право диктовать мне, с кем встречаться и что писать.

– И все же мне хочется попробовать, – стояла я на своем.

– Ты вольна делать все, к чему лежит душа, – вступила в разговор мама, не отрываясь от вышивки. Эта фраза постоянно звучала рефреном, но частота

повторения отнюдь не отменяла того, что в нее вкладывала мама.

– Что ж, готова биться об заклад, ты не сумеешь, – фыркнула Мадж и хохотнула грудным смехом. – Как ты сочинишь неразрешимую тайну, основу основ детектива? Ведь тебя саму – в хорошем смысле – видно насквозь.

Ага, то есть мне слабо сочинить детектив? Негодуя из-за покровительственного тона Мадж и ее высокомерия, я восприняла ее слова как брошенный вызов. Формально Мадж ни с кем и ни на что не спорила (согласно семейным правилам Миллеров, условия спора должны быть ясно оговорены), но я все равно решила считать, что мы заключили твердое пари. В тот миг Мадж зажгла во мне искру, и я дала себе обет, что буду поддерживать этот огонек, пока не раздую из него пламя. Время пари пошло.

Глава 8

Исчезновение. День первый

Суббота, 4 декабря 1926 г.

Стайлз, Саннингдейл, Англия

Арчи затворяет за собой массивную, из четырех панелей, дверь кабинета. Он прислоняется к ней спиной и делает медленный, глубокий вдох, пытаясь выровнять дыхание. Он должен сохранять спокойствие. Он не может позволить нервам и загнанному внутри гневу просочиться наружу сквозь напускную обеспокоенность.

Его прерывает легкий стук. Полицейские стучат не так, они властно барабанят, но кто это может быть еще? Он приглаживает волосы, поправляет пиджак и открывает известную своей скрипучестью дверь.

Он выглядывает в коридор, готовясь отразить очередную серию полицейских вопросов. Но в коридоре пусто. Точнее, ему так кажется поначалу, пока в поле зрения не возникает Шарлотта.

– Прошу прощения, сэр, но она настаивала, – извиняется Шарлотта, обнимая за плечи свою маленькую питомицу, и слегка подталкивает ее к нему.

Арчи опускает взгляд на семилетнюю дочь. Из-под тяжелой темной челки на него смотрят светло-голубые глаза, так похожие на его собственные.

Сейчас ему кажется уму непостижимым, как он мог так упорно не хотеть детей. Когда Агата забеременела, у него не было достойной работы, и он к тому же не желал делить привязанность жены с каким-то ребенком. Но когда Розалинда появилась на свет и он узнал себя в ее внешнем облике и невозмутимом темпераменте, то уже не представлял себе мир без нее.

Оставив Шарлотту в коридоре, он ведет дочь в кабинет и закрывает дверь. Розалинда пристраивается в кресле у камина, качая ножками над алым турецким ковром на дубовом полу. Она совсем крошечная, и у нее такой хрупкий вид – обычный семилетний ребенок на ее месте уже бы рыдал, только не его дочь. Переполох за дверями кабинета она воспринимает с бесстрастным любопытством, и за это он любит ее еще больше.

Арчи ставит кресло напротив нее и на какой-то миг вновь проживает свою беседу с офицером. Постаравшись стряхнуть с себя отчаяние, не проходящее после того диалога, он поворачивается к темноволосой дочке, чьи бледные щечки сейчас зарделись – то ли от тепла камина, то ли от нависшей в Стайлзе тревожной атмосферы.

– Ты хотела поговорить, Розалинда? – начинает он.

– Да, папа, – отвечает она ровным голосом.

– У тебя есть вопрос?

– Да. – Она хмурит лоб и вдруг начинает казаться гораздо старше своих лет. – В доме полно полиции, и я хочу знать, что происходит.

– Шарлотта тебе уже что-нибудь говорила? – спрашивает он, стараясь сохранять голос таким же ровным, как у нее. Он, конечно, предупреждал гувернантку, что Розалинда должна оставаться в неведении, но ему прекрасно известно, сколь проницательна эта девочка, которая уже, вероятно, успела самостоятельно оценить ситуацию или даже подвергла Шарлотту настойчивым расспросам. В любом случае нельзя, чтобы его ответы явно противоречили тому, что могла рассказать гувернантка.

– Нет, ни слова. Папа, я задала вопрос.

При менее серьезных обстоятельствах он бы усмехнулся упорству дочери.

– Видишь ли, Розалинда, полиция здесь, чтобы помочь с твоей матерью, – как можно мягче формулирует он.

Она озадаченно поднимает брови, обрабатывая в уме это необычное и весьма туманное объяснение.

– Помочь с мамой?

– Да, милая.

– Она заболела?

– Нет. Во всяком случае, нам об этом неизвестно.

Морща носик, Розалинда обдумывает другие возможные варианты.

– Значит, она попала в беду? И поэтому здесь полицейские?

– Вовсе нет. Они ищут твою мать.

– Зачем же полиция ее ищет? Она что, пропала? – В ее голосе появляется легчайший оттенок волнения. Надо приложить все силы, чтобы оно не усилилось.

Как бы это сформулировать, не вызывая лишних тревог? Арчи приходит на ум безобидное объяснение, почти основанное, можно сказать, на реальных фактах из жизни:

– Похоже, мама решила не ездить на этот уик-энд в Йоркшир, где ее ждали. Я-то убежден, что она просто в последний момент передумала и забыла нам об этом сообщить, но полицейские хотят удостовериться. Они очень дотошные ребята. Мама наверняка ускакала куда-нибудь писать свою книжку. Как она уже частенько делала.

– Ага! – Морщинка на лбу Розалинды расправляется. В этом объяснении есть смысл. Агата, бывало, импульсивно срывалась с места и уезжала из Стайлза ради работы над романом, оставляя Розалинду в заботливых руках Шарлотты, ну и в его руках отчасти тоже. – И всё?

– И всё, – кивает он.

– Ладно, – удовлетворенно произносит Розалинда. Она встает, разглаживая складки на отутюженном матросском фартуке, предусмотрительно надетом на нее Шарлоттой, и Арчи, почти физически ощущая в тот момент внезапную душевную боль, говорит себе, что никогда ни за что на свете не отдаст своего ребенка.

Глава 9

Рукопись

31 декабря 1912 г.

Эшфилд, Торки, Англия

– Этому лейтенанту Кристи обязательно сопровождать тебя с подругами? – спросила мама, когда я уже почти выходила из дома. – Новый год – все-таки

семейный праздник, его встречают с родными и близкими друзьями, а не с новыми знакомыми. Если, конечно... – она сделала паузу, – он и впрямь лишь новый знакомый, как ты все время твердишь.

Это что, проверка? Еще во время недавней беседы с Мадж я заподозрила, что мама не без ума от моего с ним общения, и после того ноябрьского спора все становилось только хуже. Поначалу я приписывала ее отношение тому, что «этот молодой человек» – он же «этот лейтенант Кристи» – почти такой же нищий, как и я сама. Но потом ее бесконечные колкости по поводу его неопытности, его недоразвитых чувств, его слишком смазливой улыбки приводили меня в недоумение, и я никак не могла взять в толк, откуда она все это берет, – не считая, конечно, его очевидной внешней привлекательности. Мне было понятно ее желание, чтобы я оставалась верной доброму, нежному Реджи, с которым, по ее мнению, меня ожидало счастье, но разве можно этим оправдать столь открытую недоброжелательность?

– Мама, его пригласила не я. Когда мы придем в бальный зал, он уже будет там, – сказала я, залезая в пальто. – Сейчас уже слишком поздно менять планы.

– Он даже не соблаговолил привезти тебя на бал. – В ее тихом голосе отчетливо звучат нотки разочарования. – Едва ли такое поведение приличествует джентльмену.

– Мамочка, до того места, где бал, куда ближе от его казарм, чем от Эшфилда. Он предлагал заехать за мной, но я настояла, что мы встретимся там, – принялась я оправдывать Арчи. Какое бы будущее нас ни ожидало, мне не хотелось подливать масло в огонь маминой антипатии. А для нее важнее всего на свете, чтобы мужчина вел себя как джентльмен, а женщина, в свою очередь, – как леди.

Пока мы с мамой обнимались и прощались, обмениваясь новогодними пожеланиями, я размышляла о том, какие разные мы с Мадж. В отличие от сестры, которая к вопросам брака подходила стратегически, я намеревалась выйти замуж по любви, а в своей любви к Реджи я была не так уж уверена. Когда моей рассудительной старшей сестре – с ее претензиями на писательский дар и мощным обаянием – настала пора выбирать, у нее была масса ухажеров. И она выбрала замкнутого, почти угрюмого Джеймса Уоттса, который – кто бы мог подумать! – обладал бо2льшим состоянием, чем все прочие женихи, и готовился унаследовать Эбни-холл. Я чувствовала, что она восхищается Джимми, что он ей

нравится, – и он был хорошим парнем, всегда добрым ко мне, – но я часто задавалась вопросом, есть ли там настоящая страсть, которая мне представлялась необходимым условием для брака. Я-то была исполнена решимости найти именно такую любовь. Я поймала себя на том, что после знакомства с Арчи стала убирать в ящик стола письма от Реджи, – мол, прочту потом, когда буду посвободнее, но они так и оставались там, – а ведь раньше я сломя голову неслась с очередным письмом в спальню, чтобы поскорее прочесть его наедине с собой. Едва ли такое поведение можно считать приметой любви. В то время как с Арчи все было по-иному: я ловила себя на постоянных мыслях о нем, на мечтах о том, как хорошо бы в новом году нам быть вместе неделями напролет.

Напольные часы в дальнем конце бального зала показывали без четверти полночь. Я ожидала, что в эти минуты буду в центре веселого праздничного вихря предвкушать первые удары часов, знаменующие начало 1913 года. Но вместо этого – пока мои подруги танцевали уанстеп под «Новый рэг» Скотта Джоплина – мы с Арчи молча сидели на скамейке.

Я не знала, что и думать. Арчи был в дурном настроении с самого начала, а теперь, когда стрелка приближалась к полуночи, помрачнел еще больше. На любую мою попытку заговорить – даже на его излюбленные спортивные темы, – он отвечал невпопад, будто я спрашиваю его о чем-то другом. А когда Нэн осмелилась завязать с ним беседу, он и вовсе ограничился лишь односложными ответами. За два с половиной месяца нашего знакомства я уже успела привыкнуть к его периодическим приступам молчаливой рефлексии, но сегодняшнее поведение – такое я видела впервые. Может, я сделала что-то не так? Может, он – не тот человек, каким казался?

Заиграли «Рэг с присвистом».

– Мы и сейчас не пойдем? – осмелилась я спросить, когда Арчи и на этот раз меня не пригласил.

– Думаю, нет, – произнес он, даже не ответив на мой взгляд.

Мое терпение иссякло.

– Что случилось, Арчи? Ты сегодня сам не свой.

Маму оскорбил бы мой хнычущий тон, ведь он противоречил основному правилу поведения леди в компании джентльмена: всегда быть спокойной и жизнерадостной.

В его взгляде промелькнуло удивление при этой неподобающей вспышке эмоций, но он ответил ровным голосом:

– Я сегодня получил приказ из Королевского летного корпуса.

Его ответ привел меня в недоумение. Почему он не радуется? Ведь он же месяцами с нетерпением ждал, чтобы его приняли в летный корпус.

– Я должен прибыть на полигон Солсбери-Плейн в течение двух дней, – продолжил он, не дождавшись моей реакции.

Теперь я поняла: его отъезд надвигался гораздо быстрее, чем он надеялся. Неужели его так печалит разлука со мной? При мысли, что из-за меня кто-то тоскует, мое сердце затрепетало.

– Мне будет очень грустно провожать тебя, Арчи, – произнесла я.

– Правда? – Он посмотрел мне в глаза впервые за весь вечер, он словно искал что-то в моем взгляде. Похоже, моя фраза вдохнула в него жизнь.

– Разумеется. Мне понравилось наше совместное времяпрепровождение, – ответила я и почувствовала, как у меня вспыхнули щеки. Я выразилась более чем сдержанно, ведь мама наставляла меня, что девушка не должна в своих речах заходить слишком далеко.

– Агата! – выпалил он, взяв мои руки в свои. – Ты должна выйти за меня. Ты просто обязана!

От изумления у меня отвисла челюсть. Надо признать, что мои чувства к Арчи – хоть и не вполне мною осознанные – отличались от тех, что я испытывала к Реджи или – еще до него – к другим ухажерам с серьезными намерениями, Уилфреду Пири и Болтону Флетчеру, которые, конечно же, все были друзьями семьи. Но в моем мире столь монументальные решения принимаются отнюдь не

после краткого знакомства, а в результате долгой истории межсемейных связей, на что Мадж более чем прозрачно намекнула в нашей тогдашней краткой беседе, и мама недвусмысленно согласилась с сестрой.

– Когда я впервые увидел тебя на балу в Чадли, – продолжал он, не отрывая от меня взгляд ярко-голубых глаз, – то сразу понял, что ты должна быть моей.

Меня пронзило незнакомое доселе чувство – какое-то страстное желание чего-то несбыточного. Настала пора открыть правду. Но как мне рассказать ему о Реджи сейчас? Я размышляла на эту тему уже несколько недель – с тех пор, как его визиты участились и почти вплотную приблизились к рамкам дозволенного, – но всякий раз в последнюю секунду меня оставляло мужество. Я волновалась, что если Арчи узнает о Реджи, то уличит меня в обмане – ведь от него скрывали, что у наших отношений нет будущего. Но ведь это было совсем не так! Реджи, конечно, дал мне свободу видиться с другими молодыми людьми, но он не мог предугадать, что появится такой вот Арчи. Да и я тоже не могла.

– Арчи, это абсолютно невозможно! – Я сделала глубокий вдох и наконец решилась. – Дело в том, что я помолвлена с другим человеком.

Я рассказала о Реджи, о наших семьях, о нашей свободной помолвке и была уверена, что Арчи придет в ярость. Или по меньшей мере, оскорбится. Но вместо этого он лишь махнул рукой.

– Тебе просто нужно покончить с этим. Ведь ты же, соглашаясь на помолвку – если ее вообще можно так назвать, – не знала, что встретишь меня?

– Но я никак не могу. – У меня перед глазами возник образ – милое лицо Реджи, и рядом с ним – такие доброжелательные сестры, и мне стало дурно. Я обману надежды не только Реджи, но и целого клана, к которому мы принадлежали. Не говоря уже о маме.

– Очень даже можешь. Если бы ко времени нашего знакомства у меня была бы помолвка, я бы разорвал ее не задумываясь, – небрежно сказал он.

– Не могу. Наши семьи дружат испокон веку. Льюси – такие приятные люди...

– Нет. – Он оборвал меня на полуслове, и тут я осознала, что ему никогда не доводилось быть частью сообщества в том смысле, в каком я это понимала. Или даже частью семьи. Но он придвинулся ко мне вплотную, и все мысли – кроме мыслей о нем – из моей головы улетучились в тот же миг. – Если бы ты действительно любила этого самого Реджи, ты бы так же страстно хотела выйти за него, как хочу взять тебя в жены я?

От близости к нему сердце колотилось в груди, я едва могла дышать.

– Наверное, лучше дождаться его возвращения, когда наша ситуация станет понятнее. – Это объяснение я приводила всем предыдущим претендентам.

– Нет, Агата, я бы не стал дожидаться. Мои чувства слишком сильны, чтобы ждать. – В его голосе звучала настоящая страсть. Когда тебя столь отчаянно желают, это разжигает и твои собственные чувства. Может, это и есть та самая безумная любовь, которую я ждала? Та самая, о которой я читала в книгах?

Слова Арчи задели меня за живое. Испытывала ли я подобные чувства к Реджи? Мне пришло на память, как однажды, во время многолюдного званого ужина у соседей, мы с Реджи оторвались от компании и отправились гулять по лужайкам. Мы болтали о подготовке к регате – то есть о всяких пустяках, просто о местной жизни, – и тут вдруг меня зазнобило, хотя погода стояла теплая. И Реджи, ни на секунду не прервав нашу беседу и, не замедлив шаг, набросил мне на плечи свой пиджак, причем сделал это с удивительной нежностью, неожиданной для его крупных ладоней. Наши взгляды встретились – это был долгий миг, – и у меня появилось ощущение уюта, я поняла, что в его объятиях меня всегда будет ждать нежная забота. Но – и только.

Сказать по правде, я к тому времени уже понимала, что в отношении Реджи у меня нет тех эмоций, которые жена должна испытывать к мужу. Их место занимали спокойное довольство и умиротворенность – то, что ощущаешь с близким по духу человеком. То есть мы с Реджи как бы очень похожи, прямо под стать друг другу, но наши отношения ужасно скучны. С Реджи я даже близко ничего не чувствовала из того, что чувствую с Арчи. Я видела, что Арчи – это тот самый единственный. Моя судьба. Человек, которого, как говорят, ждет каждая девушка.

– Ты с ума сошел, – рассмеялась я.

Впервые за весь вечер он улыбнулся.

– Да, сошел. Из-за тебя.

Вопреки всем бальным протоколам, он подсел еще ближе. Я ощутила на щеке и на губах его теплое дыхание.

– Агата Миллер, вы выйдете за меня замуж? – спросил он. – Без всяких помолвок.

У меня перед глазами вдруг всплыла предостерегающая мина Мадж, а рядом с ней – добрая улыбка Реджи, – но я тут же их прогнала. И, невзирая на увещевания сестры – а может, благодаря именно им – я, повинувшись всей глубине своих мечтаний и чувств, ответила:

– Да, Арчибалд Кристи. Я выйду за вас.

Глава 10

Исчезновение. День первый

Суббота, 4 декабря 1926 г.

Стайлз, Саннингдейл, Англия

Что, черт побери, это за звуки? – с тревогой думает Арчи. Одно дело – постоянный гомон полицейских и хлопанье дверьми, когда они рыщут по дому, но раскатистый властный голос, эхом разносящийся по коридорам Стайлза, – уже нечто совсем иное. Он затыкает уши, но голос все равно просачивается в его кабинет, где бобби весь день донимают его расспросами. Это все уже чересчур. Невозможно сосредоточиться.

Арчи отдает себе отчет, что подобное решение несколько рискованно, но он все равно должен заглушить этот выводящий из себя голос. Ведь он же, в конце концов, – расстроенный муж пропавшей жены. Разве не достаточное основание, чтобы требовать хоть капли покоя? Он чуть не произносит это вслух, но вовремя осекается. Намереваясь поговорить как следует с тем, кто так чертовски громко орет, и добиться, чтобы тот как минимум орал чуть потише, Арчи встает, но тут дверь в кабинет без всякого предварительного стука распахивается.

На пороге – детектив-констебль Кенворд, и до Арчи доходит, что в коридорах Стайлза громыхал именно его голос. Осознание этого факта лишает Арчи права на жалобы, так что ему придется и дальше терпеть этот шум.

– Я понимаю, что вас уже и без того завалили вопросами по самую макушку, но у меня есть еще парочка, вы не против? – спрашивает Кенворд, хотя это, разумеется, никакой не вопрос. Из кармана своего монументального плаща он вынимает блокнот с карандашом.

– Все что угодно, если это поможет в поисках, – не вполне искренне говорит Арчи.

Мужчины усаживаются в кресла друг напротив друга по обе стороны от камина.

– Не возражаете, если мы еще раз пробежимся по подробностям вчерашнего утра, мистер Кристи? – спрашивает Кенворд.

Что, опять? – Но Арчи не смеет произнести это вслух.

– Разумеется. Буду только счастлив. Как я уже говорил вам и вашим коллегам, я проснулся, привел себя в порядок, позавтракал в обычное для рабочего дня время...

– Во сколько именно, сэр?

– В девять.

– Вы уверены?

– Да, конечно. У меня каждое утро – все в свое время.

– То есть вы – человек привычки?

– Да, – отвечает Арчи, расправляя плечи, но сразу осекается. Он, конечно, гордится четкостью своего распорядка дня, но вдруг его ответы неверны? Вдруг его скрупулезность в глазах констебля – это минус?

– Итак, вы соблюдаете свой утренний ритуал. А видели ли вы миссис Кристи после этого?

– Да, она спустилась к завтраку, когда я уже заканчивал.

– Вы что-нибудь с ней обсуждали? – спрашивает констебль, строча в блокноте.

Кенворд не смотрит ему в глаза, и поэтому Арчи легче выдать все тот же заученный ответ:

– О чем обычно говорят утром: работа, планы на день, наша дочка Розалинда.

– А после вот этого, «о чем обычно говорят утром», – видели ли вы свою супругу?

Кажется, в голосе констебля – когда он повторил фразу Арчи «о чем обычно говорят утром» – послышалась нотка недоверия? Или почудилось?

– Нет, я уехал на работу и после этого ее не видел.

– И весь день никаких контактов с ней у вас не было?

– Не было.

– Вы можете предположить, где она могла бывать в течение дня?

– Нет.

– Но ведь вы сами сказали, что обсуждали планы на день.

– Лишь в самых общих чертах.

– А эти общие черты включали в себя предстоящий уик-энд?

– Наверное, отчасти да. – Арчи пытается сохранять небрежный тон.

– Напомните, пожалуйста. Какие именно, мистер Кристи, были планы у вас и у вашей супруги?

– Жена собиралась в Йоркшир, в Беверли. А я – к Джеймсам в Хертмор-коттедж, это неподалеку оттуда. Вы и сами это знаете. – Он задает одни и те же вопросы, думает Арчи. Они с Кенвордом – да и с другими офицерами – уже все это проходили. Тут, должно быть, какая-то своя цель, какая-то ловушка.

– Часто ли вы проводите выходные порознь?

– Когда того требуют обстоятельства. – Арчи сознательно отвечает уклончиво. Он прекрасно понимает, что далеко не все супружеские пары проводят уик-энд в разных местах.

– И в данном случае обстоятельства того требовали?

– Да.

– Может, дело в том, что Джеймсы вашу жену не пригласили? – Голос Кенворда – сама невинность, констебль смотрит в сторону. Так вот к чему он клонит! – осеняет Арчи, и в его груди закипает гнев. Какое, черт побери, дело полиции до того, кого Джеймсы приглашают, а кого – нет!

Арчи изо всех сил пытается справиться с этим внезапным осознанием, сдержать ярость, показать, что отсутствие супруги в списке приглашенных – вопрос вполне обыденный и легко объяснимый.

– Разумеется, ее пригласили. Но мы с Джеймсами любим гольф, а моя жена гольфом не слишком увлекалась – то есть не увлекается. И когда ей выпала возможность поехать в Йоркшир, она ухватилась за нее.

– А не наоборот ли, сэр?

Что, черт побери, уже успел узнать этот человек? И от кого? Стараясь ступать осторожно, Арчи произносит:

– Я не вполне понимаю, что вы имеете в виду, заместитель главного констебля Кенворд. – Как же его раздражает необходимость все время произносить эту длинную фразу – «заместитель главного констебля». Почему Кенворд не скажет, как его принято называть короче?

– Я имею в виду, что, может, именно вас не пригласили в Йоркшир, и поэтому вы выбрали Хертмор-коттедж?

Арчи замирает. С кем успел поговорить Кенворд? Где, черт возьми, он успел всего этого наслушаться?

– Не знаю, о чем вы. Мы составляли свои планы порознь, поскольку в данный конкретный уик-энд наши интересы не совпали. – Он продолжает держаться своей позиции, мысленно прокручивая указания из письма и убеждая себя, что он вполне следует полученным инструкциям – хоть и пытается при этом защитить себя.

Продолжая строчить карандашом в блокноте, Кенворд гнет свою линию, хотя, казалось бы, все мутные участки пути уже пройдены.

– Кто еще присутствовал у Джеймсов в этот уик-энд?

– Ну-у, мистер и миссис Джеймс, само собой, – отвечает Арчи, надеясь, что вопрос на этом закрыт.

– Да, само собой. Но, может, кто-то еще? – спрашивает Кенворд. Арчи подозревает, что ответ констеблю уже известен.

– Некая мисс Нил. – При упоминании Нэнси бровь Кенворда ползет вверх. Арчи охватывает паника, и он торопится добавить: – Она должна была быть четвертой.

Любопытство на лице Кенворда сменяется озадаченностью:

– Четвертой?

– Для гольфа. Ведь мы собрались играть в гольф. И нужен был четвертый.

– Ясно. Мисс Нил, если я верно понимаю, – подруга миссис Джеймс?

Арчи ухватывается за подсказку, подброшенную Кенвордом:

– О да! Подруга миссис Джеймс. Кажется, они вместе работали в городе. Не разлей вода.

Не успевает Кенворд открыть рот для очередного вопроса, как тут же закрывает его, поскольку в кабинет влетает полицейский. Это уже второй раз за сегодня, когда в его святилище бесцеремонно вторгаются, и злость Арчи еще больше усиливается, но он не успевает выразить протест, поскольку вбежавший полицейский наклоняется к уху Кенворда и что-то шепчет.

– Помнится, вы предлагали любое содействие в поисках вашей супруги? – спрашивает Кенворд, вновь поворачиваясь к Арчи.

– Разумеется, – раздраженно отвечает Арчи. – Я только что говорил об этом.

– Тогда, сэр, у вас появились все шансы.

– В смысле?

– Дело в том, что у Ньюлендз-Корнера обнаружили пустую машину вашей жены – «Моррис Каули». Нам понадобится ваша помощь.

Глава 11

Рукопись

Январь 1913 г. – ноябрь 1914 г.

Торки, Англия

Свадьба состоялась, хоть и не так скоро, и была принята не так радушно, как того желал Арчи. Поначалу мама выразила мне неудовольствие с глазу на глаз – когда новогодним утром я поделилась с ней своими новостями. Ей было прискорбно обнаружить, что Реджи – больше не жених и не будущий зять, и особенно ее привел в отчаяние мой выбор незнакомца, о котором ничего нельзя разузнать. Когда днем Арчи приехал просить моей руки, ее беспокойство так и не утихло. С неожиданной для нее прямолинейностью мама выложила – прямо ему в лицо – все, что она думала о его состоятельности как мужа.

– Какими средствами вы располагаете, чтобы жениться? – без всяких обиняков спросила она, пока Арчи отчаянно мят в руках шляпу, чья судьба вызвала у меня серьезные опасения.

– Я получаю жалование младшего офицера, – ответил он, не глядя в лицо маме, которая в раз в кои-то веки оставила свое шитье, чтобы полностью сосредоточиться на беседе. – Плюс скромное содержание от моей матушки.

– Надеюсь, вы не питаете иллюзий, что у Агаты будет приданое или какой-либо существенный доход, – открытым текстом заявила она, и я с трудом удержалась, чтобы не заорать. Подобные обстоятельства обычно обсуждают за чашкой чая и не впрямую. Теперь это уже, наконец, все? – молилась я. Но, к моему ужасу, она продолжала: – У нее всего сто фунтов в год по дедушкиному завещанию. И больше ни гроша ей взять неоткуда.

Арчи удивленно приподнял брови, но в остальном не дрогнул.

– Мы найдем, как свести концы с концами, – сказал он, а мама лишь покачала головой. Кому, как не ей, было знать, сколько жизненных сил вытягивают финансовые проблемы, – ведь именно они погубили моего отца. Когда состояние папы из-за неудачных инвестиций и общей экономической конъюнктуры, которую он не мог контролировать, начало таять, увяло и его жизнелюбие. И

когда он, мужчина за пятьдесят, был вынужден впервые в жизни искать работу, на месте радости бытия образовался вакуум, и его тут же заполнила болезнь. Постепенно, шаг за шагом, она одолела и тело, и дух отца, и, в итоге он сдался.

В последующие после этого разговора дни мы, с одной стороны, искали возможность обойти почти откровенный запрет на женитьбу, наложенный Летным корпусом на молодых авиаторов, а с другой – разумеется – сообщили о нашем решении семье Арчи. Я ужасно нервничала, несмотря на то что Арчи решил поговорить с родными без меня, – ведь насколько я представляла его мать, это была консервативная, бесстрастная ирландка. Похоже, индийская жизнь с первым мужем, отцом Арчи, не способствовала смягчению ее характера, и в новой роли – жены директора английской школы – она сделалась даже еще большей викторианкой, чем была. Так что, узнав от Арчи о реакции Пег Хемсли, я не удивилась: она – несомненно, с сильным ирландским акцентом – недвусмысленно высказалась в том духе, что ее драгоценному сыну едва ли следует добиваться руки девушки, носящей воротник под Питера Пэна. Все мои подруги следовали этой новой моде, которая позволила отказаться от старых, давящих на шею, стоячих воротничков в пользу удобных отложных, как у главного героя постановок по пьесе Барри. При всем моем обожании Питера Пэна я прекрасно понимала, что консервативная Пег считает недопустимо пикантными четыре дюйма шеи под подбородком, которые ее будущая невестка позволяет себе открывать на публике. При встречах Пег была со мной неизменно мила, но я знала, что за глаза она поет совсем иные ирландские баллады.

Родные всячески старались умерить наш пыл, а мы с Арчи тем временем готовились к войне, в которую я не верила – хотя Арчи проходил обучение на Солсбери-Плейн, а я посещала курсы сестер милосердия. Если в промежутках между занятиями нам удавалось урвать время, мы проводили его в объятиях друг друга, обдумывая, как бы побыстрее обустроить наш брак. Мимолетность встреч лишь подчеркивала драматизм и романтику наших отношений, подогревая мое желание поскорее выйти замуж за этого загадочного, страстного мужчину. Задумалась я лишь однажды и на секунду – получив печальное письмо от Реджи в ответ на мое сообщение о разрыве помолвки.

После всех этих ожиданий и приготовлений война – как и предсказывал Арчи – обрушилась на нас водопадом. Больше месяца я свято верила, что убийство какого-то эрцгерцога где-то в Сербии никакого отношения к нам не имеет, и уж точно это не повод втянуть Англию в войну. Но 4 августа Великобритания заявила, что больше не может стоять в стороне от массовой заварухи.

Королевский летный корпус мобилизовали чуть ли не в тот же день – причем звено Арчи было в числе первых. Немецкие летчики наводили на всех ужас, и парней из Британского корпуса все тогда считали смертниками. Когда Арчи – шокирующе невозмутимым тоном – заявлял об этом открыто, я сохраняла стоическое спокойствие, но наедине с собой рыдала в голос. Правда, вскоре у меня не осталось времени предаваться слезам.

Женщины трудились на войне наравне с мужчинами, хотя, конечно, их труд был другим. Я предпочла стать сестрой милосердия, решив, что принесу больше пользы, ухаживая за ранеными, чем если буду вязать носки и варежки. Меня приписали к отряду, расквартированному рядом с Торки, и поначалу мы занимались лишь перевязками и тампонами в палатах импровизированного госпиталя, развернутого в городской ратуше. А когда ручеек прибывающих раненых превратился в реку, даже сама мысль о том, чтобы отвлечься на что-нибудь еще, стала для нас роскошью. Везя окровавленных мальчиков по коридорам, я мельком слышала географию их битв: Марна, Антверпен. Но в остальном мои дни проходили в тумане смены уток, подтирания блевотины, подготовки гигиенических салфеток для врачей во время обхода, смены бинтов на гноящихся ранах – работы, доставшейся практически всем обученным на скорую руку медсестрам.

Я сама себе поражалась, насколько стойко мне удавалось переносить лазаретную рутину – всю эту кровь, гной и кишки. Другие санитарки – такие же девушки из хороших семей – не переносили вида ран, и мне зачастую приходилось оказывать помощь им самим, когда их тошнило от зрелища солдатских увечий. Опытные, профессиональные медсестры обратили на меня внимание, и вскоре я стала завсегдатаем в операционных при ампутациях или когда нужно было ухаживать за особо тяжелыми ранеными.

Мама на удивление терпимо отнеслась к сделанному мною выбору, хотя мой энтузиазм поверг ее в недоумение.

– Боже мой, Агата, – пожав плечами, воскликнула она как-то после вечернего чая. – Ты относишься ко всем этим ужасам как к чему-то обыденному.

Возможно, она терпела мою работу в госпитале в надежде, что я встречу юношу, который отвлечет меня от Арчи. Мама попросту понятия не имела, что в действительности творится в этих палатах и в каком состоянии лежат там раненые солдаты, она не понимала, что они думают лишь об одном – как бы

выжить, когда смерть повсюду.

На самом деле я в окружении мальчиков, находившихся на волоске от смерти, душой лишь больше привязывалась к Арчи. Они напоминали мне о хрупкости нашей связи с жизнью. Каждую промытую мной рану, каждую перебинтованную культю я сопровождала немой молитвой: чтобы Арчи остался цел, пока он парит в европейских небесах.

Дни превращались в недели, а недели уже стали казаться годами, когда наконец Арчи получил увольнительную. Прошло не три месяца, а как будто три года, – думала я, собираясь на свидание. Увиденное и пережитое сильно меня изменило. Но если стала другой даже я, которая ни в чем не участвовала, то как же, должно быть, переменился Арчи – среди всего этого ежедневного ужаса, кровопролития и смерти, в эпицентре боевых действий. Узнаю ли я вообще человека, в которого когда-то влюбилась?

Глава 12

Исчезновение. День первый

Суббота, 4 декабря 1926 г.

Озеро Сайлент-Пул, Суррей, Англия

Кучка полицейских загораживает озеро Сайлент-Пул. Но Арчи и без того прекрасно знает, что там, за этими людьми, у подножья холма – застойный солоноватый водоем – там, у мелового карьера рядом с Уотер-Лэйн, где, по их словам, нашли «Моррис Каули» Агаты. Он настолько часто бывал в этом месте, что не нуждается в подробных разъяснениях.

По какой-то причуде его жена находила вдохновляющим это темноватое, тусклое, окруженное густой, не пропускающей солнце чащей родниковое озерцо в трехстах ярдах от живописного плато Ньюлендз-Корнер. Агата говорила, что

этот мрачного вида водоем дает пищу ее фантазии – как, кстати, питал он и местные легенды о достославном короле Иоанне. Тот якобы пытался соблазнить прекрасную дочь лесоруба, которая, отвергнув его любовные притязания, кинулась в обманчиво глубокие воды Сайлент-Пула. Но пучина – если верить преданиям – не смогла заглушить глас девы, и если кому не посчастливится бродить в полночь по берегу, то суждено ему будет увидеть всплывающий труп утопленницы. Разумеется, абсолютный нонсенс, и Арчи указывал на это Агате уже раз сто.

В первое время их жизни в Стайлзе Арчи – пусть нехотя – сопровождал Агату в прогулках вокруг Сайлент-Пула. Она всячески пыталась увлечь мужа, дабы он почувствовал притягательную силу озера. Но он в последние годы все чаще отказывался от этих променадов, предпочитая организованность, традиционность и простор полей для гольфа, да и саму компанию. А с недавних пор Агата всегда гуляла там одна.

– Полковник Кристи, сюда! – зовет Кенворд.

Ему не хочется смотреть, что там еще нарыли полицейские, но человек, готовый на все, чтобы узнать о судьбе пропавшей жены, просто обязан ринуться туда, где появится любой намек. Ведь в письме ему не просто указали, как себя вести, но и четко проинструктировали: участвовать в любых поисковых мероприятиях обязательно. Так что он со всех ног мчится на голос Кенворда.

Кольцо людей в форме расступается перед ним, давая дорогу внутрь наводящего ледяной ужас замкнутого пространства. И там, в центре этого круга, он видит серый «Моррис Каули» с «мордой» в форме бутылки. Машина стоит на травянистом склоне над Сайлент-Пулом. Густые кусты, с одной стороны, скрывают капот, а с другой – не дают машине скатиться вниз, в меловой карьер.

– Можете ли вы, полковник, подтвердить, что это – автомобиль вашей жены? – интересуется Кенворд.

– Внешний вид и модель определенно соответствуют. Но с уверенностью я сказать не могу. – Его голос колеблется. И ноги неожиданно становятся ватными. Он представить себе не мог, что вид Агатиной машины приведет его в дрожь. Она купила этот «Моррис Каули» на гонорар от первых трех книг и

обожала носиться на нем по округе. А он-то сам приобрел машину лишь недавно, причем поддержанную – спортивный французский «Деляж», – но она плохо годилась для поездок по сельским дорогам. Хотя он ведь, в конце концов, и не для того ее покупал. Ему нужен был автомобиль, чтобы добираться на службу в Лондон и курсировать между домом и полем для гольфа.

– А ведь этот «Моррис Каули» – недешевая штука, – отмечает один из подручных Кенворда.

Заместитель главного констебля бросает на подчиненного недовольный взгляд.

– Похоже, полковник, на машине нет повреждений. Ветровое стекло – в целости и сохранности, на откидной крыше – ни единой дыры. Пострадал лишь капот. Судя по следам шин, машину заставили съехать с дороги какие-то непредвиденные обстоятельства – если, конечно, эту грязную тропинку можно назвать дорогой. И не будь тут кустов, она определенно рухнула бы в карьер.

– Нужно осмотреть передние сиденья и заглянуть в отделение для перчаток, – бросает Кенворд подчиненным, – и установить, кому принадлежит автомобиль.

Наблюдая за тем, как полицейские обыскивают «Моррис Каули», Арчи отваживается задать вопрос, который не давал ему покоя все это время:

– Скажите, главный детектив-констебль Кенворд, как вам вообще удалось обнаружить машину в столь глухом месте? Причем так быстро – мы едва успели узнать о пропаже Агаты.

– Я так понимаю, что фары остались гореть, когда ваша жена ис... – запинается он, понимая, что должен подбирать слова тщательнее, – когда она покинула автомобиль. Они горели еще в семь утра, и их заметил один местный житель по пути на работу – увидел свет в чаще вокруг Сайлент-Пула. Его сигнал зафиксировали, мы собирались заняться им позднее, но тут стало известно об исчезновении вашей жены, и мы связали эти два события воедино.

Кивнув, Арчи продолжает наблюдать за тем, как бобби обыскивают автомобиль. Повинуясь указаниям Кенворда, они шарят на задних сиденьях, а Арчи с главным детективом-констеблем молча стоят рядом. Поначалу ничего интересного не обнаруживается.

– Шеф! – вдруг кричит один из полицейских. – Тут сумка. И шуба.

Арчи чувствует, что ему трудно дышать при виде чужаков, которые лапают сиденья «Моррис Каули» его жены, но он понимает, что обязан сохранять спокойный вид. Полицейские вылезают наконец из машины, у каждого из них в руках – по аккуратному свертку из казенного вида однотонной ткани.

– А ну-ка поглядим. – Кенворд жестом приказывает полицейским разложить предметы на земле.

Те снимают ткань, в которую они уже успели упаковать найденные вещи, и там оказываются шуба и дорожный несессер. Повинуясь подробным инструкциям Кенворда и под его тщательным присмотром, полицейские методично открывают сумку, где обнаруживают пару предметов дамской одежды и кое-какие туалетные принадлежности.

– Судя по всему, она все же собиралась провести уик-энд в Йоркшире – как считаете, шеф? – спрашивает один бобби у Кенворда. – Но планы, похоже, сорвались.

– Если это, конечно, ее машина. И ее вещи, – отвечает тот скороговоркой. Ему явно не по душе, что подчиненные строят теории при Арчи, и он перенаправляет их внимание на шубу. Бобби обшаривают карманы, но ничего не находят, кроме простого льняного носового платка.

– М-да, любопытно, – бормочет Кенворд себе под нос. – Начнем с того, что вечер выдался довольно прохладным, в шесть часов было градусов пять, а к полуночи температура упала уже до двух. Будь у вас выбор, неужто вы отказались бы надеть такую теплую шубу? Если бы, конечно, вы имели эту возможность?

Арчи кидает взгляд на констебля. Для детектива, который активно не поощряет, чтобы его подчиненные строили версии в присутствии заинтересованных сторон, подобные размышления вслух выглядят странными. Похоже, своими догадками констебль пытается подловить Арчи, намекая, что с Агатой, мол, случилось что-то плохое, раз она, покидая машину, не успела даже накинуть шубу? Но он не клюнет на приманку. Кстати, инструкцией в письме это запрещено.

– Сэр! – кричит один из полицейских, размахивая небольшим прямоугольным листком. – Тут водительские права. Они были на самом дне отделения для перчаток.

– И имя на них... – с вопросительной интонацией произносит Кенворд.

– Да, сэр, на них – имя жены, – радостно вставляет тот самый полицейский, энтузиаст из молодых.

Кенворд явно раздражен непрошенным энтузиазмом. Он берет в руки документ, разглядывает его и наконец произносит:

– Что ж, полковник, на настоящий момент мы сделали все, что смогли. Теперь нам предстоит расследование дела о возможном убийстве.

Глава 13

Рукопись

23-24 декабря 1914 г.

Клифтон, Англия

В дверь спальни робко постучали. Этот еле слышный звук пробудил меня от дремы, в которую я едва успела погрузиться. Я села на кровати и обвела взглядом чужую мне спальню. Ах, ну да, вспомнила я. Ведь я же в Клифтоне, в доме родителей Арчи, куда приехала встретить Рождество. Три дня назад ему внезапно дали небольшой отпуск, и мы встретились в Лондоне, где провели пару дней, испытывая постоянную неловкость, поскольку мама в качестве моей компаньонки не отступала от нас ни на шаг. После этого – уже без нее – мы сели на клифтонский поезд, где бутылка вина заметно подняла нам настроение.

Война изменила нас обоих – суть этих перемен мы еще до конца не осознали. В предыдущее увольнение – после мобилизации его отпускали лишь дважды – мы лишь крепко и нежно обнялись при встрече, а потом еще несколько минут вели себя, словно незнакомцы – толком не знали, о чем говорить и какие интонации выбрать. Меня обескуражило и даже встревожило, что Арчи рассказывает о войне и своих переживаниях как-то слишком непринужденно, почти небрежно. Как может он так легко и бойко болтать о столь чудовищной катастрофе? Дело не в том, что военная реальность была мне непривычна, и ему, мол, следовало как-то оберегать меня, ведь я ежедневно сталкивалась с ней в больничных палатах, о чем он прекрасно знал. Наверное, мои эмоции были куда глубже, чем у той беспечной девушки из прошлого, и нам потребовалось несколько дней, чтобы полноценное общение возобновилось. Но все же некая связь между нами оказалась утраченной – подобно тому, как в переводе с иностранного языка теряется часть смысла, – и с момента нашей той встречи во время его отпуска она так и не восстановилась. По крайней мере, пока.

Поплотнее закутавшись в халат, я открыла дверь. Ведь я уже была в курсе, как мать Арчи относится к воротникам Питера Пэна на моих платьях, и мне ни в коем случае не хотелось в очередной раз ее шокировать, если за дверью, конечно, именно она. Но это была не Пег. Там стоял Арчи.

Он шагнул в спальню и тихо прикрыл за собой дверь. Потом обнял меня за талию и страстно поцеловал. Его губы – на моих, этот запах одеколона, – у меня сразу закружилась голова. Мы продолжали целоваться, ласкали друг друга – меня охватила дрожь. Я почувствовала, что меня ведут к кровати, и все, чего я желала, – это уступить, но стоило мне вспомнить о его матери и о приличиях, как я сразу пришла в себя.

– Тебя здесь быть не должно. Представь, что скажет мать, – прошептала я, нежно отстраняя его.

Арчи притянул меня к себе, но к кровати больше не подталкивал.

– Агата, нам надо пожениться. Немедленно. Завтра же. – Он тяжело дышал.

– Но ты же сам сказал... – Нынче, еще в поезде, он заявил, что жениться во время войны – неправильно и эгоистично, хотя сотни молодых пар мчатся к алтарю, да и сам он уже не может дождаться этого дня. Но это все равно эгоизм – бросаться

сломя голову в брак, чтобы, случись что, оставить после себя вдову, а то еще, чего доброго, и осиротевшего ребенка. Но брак оставался темой, объединявшей нас.

– Я был неправ, – перебил меня Арчи. – При подобных обстоятельствах свадьба – это единственное разумное решение. И я не могу больше ждать того момента, когда ты станешь моей.

– Арчи, я и так твоя, – заверила я его.

– Нет – чтобы целиком моя, – прошептал он мне в ухо и прижал меня к себе еще крепче. – Сама подумай, до моей отправки у нас два дня. Завтра утром мы поженимся и после рождественского обеда с моими родителями сразу сядем на поезд до Торки, где поделимся нашей новостью с твоей семьей, и у нас все равно останется еще время на медовый месяц в «Гранд-отеле».

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Vanity Fair – английский общественно-литературный журнал, издававшийся с 1868 по 1914 гг. В числе авторов в разное время были Льюис Кэрролл, П.Д. Вудхаус и др. (Здесь и далее примеч. пер.)

Анна Кэтрин Грин (1846–1935) – американская писательница, впервые употребившая слово «детектив» как название жанра.

Купить: https://tellnovel.com/benedikt_mari/tayna-agaty-kristi

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)